

Л. П. Пискунова

**Городские кладбища в динамике социальных репрезентаций
(семиотический анализ)**

УДК 316.7

Кладбище как символический капитал, поле конструирования иерархий и развлечений, модель демонстрации социальных достижений. Атракцион и пункт привлечения туристов, способ фиксации социальной значимости города. Практика борьбы или бегства от смерти. Включенность в повседневность. Палимпсест истории. Динамика изображений на памятниках городских некрополей: от изображения (фиксация бессмертия души), к пышным гранитным надгробиям, напоминающим о достижениях, успехах и богатстве покойного. Мортальная культура как особая потребительская практика.

Ключевые слова: семиотика кладбища, социальные, экономические, конфессиональные, этнические, эстетические измерения мортального.

L.P. Piskunova. Town cemetery and dynamic social representation (semiotic analyses)

Cemeteries are symbolic capital and area of constructing social hierarchies.

Cemetery as a show and tourist attraction point is the way of fitting the significance of town. Fighting or escape from Death. Inclusion in every day life. Palimpsest of history. Dynamic of Images on town cemetery monuments: from subjects of immortality of soil to subjects of success and richness of the dead. Mortal culture as specific consumer practice.

Key words: cemetery semiotic; social, economic, confessional, ethnic, esthetic dimension of mortal practice.

Культура и семиотика захоронений, похоронная ритуальность, обрядность и фольклор изучаются различными специалистами-гуманитариями – философами, некросоциологами, этнографами, культурологами. В современных исследованиях, помимо традиционных ракурсов, эта тема обозначает и несколько необычных поворотов мысли: мортальная культура как особая потребительская практика, кладбище как особое «публичное пространство» города, где вырабатыва-

ются и воспроизводятся некие нормы социальной жизни, кладбище как место семейной интеграции или даже (вос-)производства семьи. По мнению Леонида Ионина, «отношения мертвых и живых — это отношения современников, членов одного и того же общества». В таких отношениях «существует экономика и политика. <...> Экономика базируется на необходимости уделять мертвым часть общественного богатства. Политика – умение живых посредством магии добиваться желаемого от мертвых». В этой связи гуманитарий не может ограничивать свои исследования обществом живых [6:366–369].

Задача исследования реконструировать культурные образы смерти, понять знаковые механизмы репрезентации взаимодействия мертвых и живых, проанализировать дискурсы, обслуживающие феномен смерти человека, понять динамику отношений урбанистического и смертного кодов культуры.

Первое, что следует отметить, это то, что город и кладбище образуют связку культурных феноменов, объединенных отношениями подобия. Сравнивая эти феномены, можно предположить, что их роднит:

- стабильность планировки, расположения мест обитания и захоронения;
- индивидуализированность домов и погребений (надгробий);
- иерархичность, которая предполагает наличие центра и периферии (топологическое разделение на центр и периферию имеет еще и ценностную нагрузку);
- упорядоченность, регулярность.

Первая особенность естественна и привычна и обычно не становится предметом обсуждения. Место упокоения стабильно; нарушение его встречает негативное отношение окружающих и магически-суперъестественный страх.

Средствами семиотического оформления индивидуальности (тенденция к чему усиливается в Новое время) выступают средства маркирования: именного, возрастного, конфессионального, этнокультурного, профессионального, биографического. Это обеспечивается чаще всего разными видами надписей и рисунков. Близкие склонны воспринимать захоронение как свою собственность – отсюда разные способы отграничения могильного места. Это объясняется переносом на сферу кладбища стереотипов существования, имеющих в городе,

когда немотивированное вселение превращается в огромный скандал. «Коммуналки» и «уплотнения» оказываются нежелательными и в границах города, и в пространстве кладбища.

На кладбищах формируются семейные некрополи, этнические зоны (участки) – еврейские, цыганские, армянские. Возникают целые конфессионально ориентированные кладбища: еврейские, мусульманские, православные. Поскольку иудаизм исповедуют только евреи, то и кладбища, и зоны на кладбищах называются не иудаистскими, а еврейскими. В конце семидесятых годов прошлого века в Екатеринбурге был снесен один из богатейших некрополей города – еврейское кладбище, заложенное еще в середине позапрошлого века. Прекрасный резной мрамор, отличной работы литой и кованный металл – все это, увы, исчезло без следа... Интересно отметить, что в то же самое время крайне запущенное, бедное мусульманское кладбище, находящееся в черте города, продолжает существовать. Подобный же пример можно привести, опираясь на реалии города Тобольска Тюменской области.

В последнее время стали выделяться отдельные зоны для захоронения священнослужителей. Так, на одном из самых больших действующих кладбищ Екатеринбурга, Лесном, появился обнесенный высокой кованой оградой епархиальный участок. На его примере можно видеть, как выглядит подлинная православная культура погребения.

Девяностые годы прошлого и начало нынешнего – это время существенных перемен на кладбищах больших городов. Здесь стали стремительно образовываться так называемые «VIP-зоны», или так называемые «почетные секции». Здесь хоронят представителей власти, деятелей культуры, деловую элиту, крупных военных и других нерядовых покойников.

Но подлинным «экслюзивом» похоронной культуры девяностых годов стало формирование «почетных аллей» и зон из могил криминальных авторитетов и бесчисленных «героев братвы», павших в разборках между бандитскими группировками.

В изумление приводят своей грандиозностью, показной «роскошью», экстравагантным видом, непременно лучшими месторасположениями на кладбищах зоны цыганских захоронений.

На кладбищах складывался свой собственный ценностный «земельный кадастр». На иерархию этих ценностей влияли несколько

факторов, таких, как близость могилы к храму (часовне), к главному входу на кладбище, расположение на центральной (титульной) аллее, близость к знаменитым захоронениям, рельеф (возвышенность) и живописность, красивый вид с места захоронения.

Структура некрополя демонстрирует, как правило, наличие центра и периферии. Даже небольшие и малодифференцированные некрополи обладают нечетко выраженным ядром старых захоронений. Часто центр создается специально (храм, «почетные аллеи»). Такая картина существует на главном кладбище города Тобольска (место туристического паломничества). На центральной аллее захоронены декабристы, отбывавшие здесь ссылку. Сегодня эти «мемориальные участки» уже «разбавлены» современными захоронениями, которые для исследовательского взгляда достаточно интересны. Там нашли свой последний приют и погибший в разборках «авторитет» и известный геолог, нефтедобытчик. Надгробие последнего покрыто специфичными изображениями, которые отражают весь жизненный путь усопшего – «путепроводы его судьбы», такая надпись выгравирована под извилистой лентой трубопровода.

В принципах формирования кладбищ явно прослеживается социально-культурные составляющие: имущественные, сословные, корпоративные, клановые, конфессиональные, этнические.

На самом престижном кладбище города Екатеринбурга – «Широкореченском», имеются аллеи «старых большевиков», «подпольщиков», «первых коммунистов Урала». Они практически дублируют названия городских улиц. Большой массив погребений 70–80-х гг. структурирован по профессиональному принципу: творческая элита, известные врачи, деятели науки и театра.

Одним из механизмов влияния города на семиотику кладбищ является действие экономических факторов. Семиотическая, стилевая дифференциация надгробий в пределах одного пространства составляет одну из основных закономерностей развития любого кладбища. Это вызвано, на наш взгляд рядом факторов.

- Эстетический фактор, определяющий выбор тех или иных дизайнерских принципов в зависимости от представлений о красоте и уместности. В 90-е гг. в Екатеринбурге работали группы «модных архитекторов», создавшие особый шикарный стиль. Роскошь черного и белого мрамора, змеевика и других полудрагоценных уральских кам-

ней придавала «монументальность» и значимость фигурам усопших. Именно в силу действия этого фактора появлялись многие надгробия, «бросающиеся в глаза», поражающие своим монументализмом.

- Мировоззренческий фактор наиболее ярко проявляется в диктате религиозных убеждений (использование или отказ от крестов, иных религиозных символов, пятиконечных звезд, серпа и молота, выбор эпитафий, наконец, создание казуистической символики с косвенным указанием на конфессиональную принадлежность – вроде надгробия в виде стилизованного вытянутого в длину церковного купола-луковицы). Часто на надгробиях кладбищ Екатеринбурга можно увидеть атрибуты профессии усопшего (стела из редкого сплава – на могиле изобретателя-металлурга, стилизованные из мрамора боксерские перчатки и костюм «adidas» – на могиле заслуженного тренера по боксу, медицинские приборы, письменные принадлежности, открытые книги, игрушки, каменные цветы, телескопы и т. д.). В селах Большая и Малая Шокша Теньгушевского р-на Республики Мордовия на могилах усопших устанавливались фундаментальные деревянные кресты из вековых дубов. Их высота часто превышала два-три человеческих роста, отчего кладбище приобретало вид архаических капищ. Высота крестов должна была соответствовать размерам деяний, совершенных при жизни, и продолжительности памяти об умершем среди родственников и знакомых. В советские годы некоторым усопшим устанавливали гладко обструганное бревно со звездой на конце. Они возвышались выше крестов.

- Мода и устойчивые представления о должном и недостойном оформлении захоронения (исходя из таких оценочных параметров, как «должно», «модно», «престижно», «пристойно» и т. д.). Эти представления укрепляются централизованным изготовлением надгробий в мастерских, обеспечивающих тиражирование одних и тех же моделей и предлагающих заказчикам уже имеющийся выбор этих моделей.

- Стратегия «демонстративного потребления», реализуется в выборе надгробия необычного дизайна, либо в повышении стоимости при обычном дизайне, либо в сочетании и того, и другого. Демонстрировать обычно стараются любовь к усопшему, уровень достатка и (реже) особенности эстетических вкусов и пристрастий, как усопшего, так и свои собственные. Как уже говорилось выше, особые бригады архитекторов обслуживали элитные заказы. Их «произведения»

сейчас являются обязательным объектом осмотра для иностранных туристов. В бумажных и онлайн-путеводителях по городу Екатеринбург (на иностранных языках) именно эти объекты обозначены как памятники, заслуживающие наибольшего внимания.

Хорошо известная особенность смертной культуры состоит в том, что на место захоронения нередко «изливаются» те чувства, которые питают по отношению к усопшему; надгробие становится муляжом, симулякром усопшего в рамках социального акта, его семиотическим замещением [3:114–160]. Фактически здесь имеет место миграция, «переселение» человека из города в некрополис, смена адреса. Особенно ярко это проявляется в том случае, когда кончина была неожиданной и сильно травмировавшей близких, когда они вынашивают разного рода комплексы вины («не помогли деньгами на лечение, так вернем их теперь в виде дорогого надгробия», «не проявили должного внимания и готовности помочь – проявим внимание к оформлению могилы» и т. п.). В этом случае появляются дорогие надгробия с необычным дизайном. В подобных случаях ценностные мотивы сочетаются с материальными возможностями; последние оказываются способом их выражения, опредмечивания, а действия и поступки близких закономерно меняют сферу приложения.

В иных случаях богатое надгробие является формой социальной индикации (заявление о материальном благополучии). Встречается также следование неписаным требованиям социальной общности (когда дешевое надгробие считается неприличным для представителей обеспеченной социальной группы). Именно этот факт маркирует роскошные погребения, как погребения людей «социально маркированных» – «бандиты», «братки», лидеры ОПС.

Интересным примером смешения фактора моды с экономическим фактором является обычай изготовления надгробного изображения. Для постсоветского культурного пространства это, прежде всего фотография и гравировка. Их распространение резко отличается от иных культур, а кроме того, затрагивает даже некрополи с иной религиозно-этнической принадлежностью, где изготовление таких изображений табуировано. До появления кладбищенской фотографии памятники иногда венчались скульптурными изображениями, бывшими дорогими и сложными в изготовлении. В результате скульптурный портрет стал атрибутом надгробий «исключительных» личностей [5; 6; 7].

Во второй половине XX в. фотографические технологии позволили наладить изготовление изображений, не предусматривавших больших материальных затрат. Отсутствие фотографии сразу наводило на мысль (не всегда верную) о заброшенности могилы. Фактор экономический и фактор моды (т. е. чисто семиотический) настолько слились, что непросто теперь выделить ведущий. Мотив иконичности, иконического сходства является в данном случае ведущим.

Принесение на места захоронений бытовых предметов также является следствием невозможности или нежелания сменить семиотический сценарий поведения. Люди остаются в значительной степени под властью поведенческих сценариев города.

Процессы упрощения надгробий обусловлены и культурным механизмом – формированием культуры минимализма и «дешевого быта», когда завышение материальной стоимости предметов обихода (в том числе мортального) воспринимается как нескромность, нежелательная демонстрация превосходства и, наконец, как скрытый социально-культурный вызов. В этой связи интересно заметить, что наблюдающийся в последние годы рост минималистских настроений в отечественной культуре не отразился пока заметным образом в кладбищенском дизайне; напротив, последний скорее все более обретает признаки опредмечивания хороших финансовых возможностей.

-
1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
 2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006.
 3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2006.
 4. Ермонская В. В. Советская мемориальная скульптура. М., 1979.
 5. Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978.
 6. Ионин Л. Г. Проблема некросоциологии // Свобода в СССР. СПб., 1997.
 7. Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Александро-Невская Лавра: архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986.
 8. Седакова О. А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.